

Бюджетный нарциссизм

21.05.2014

Дефицит может существовать только на бумаге, которая на профессиональном жаргоне называется бюджетной росписью. В реальной жизни с дефицитом нужно что-то делать. Областные власти и делают: берут деньги в долг. Как сообщает региональный Минфин, на начало апреля внутренний долг области составлял 30 млрд р. Из этого долга его большая часть (18 млрд р.) является банковским кредитом, привлеченным областью под 10 % годовых.

Если деньги берутся в долг, значит, рано или поздно их придется отдавать. Но как, если собственные доходы бюджета падают, трансферты их федерального бюджета сокращаются и в целом экономическая ситуация не дает никаких оснований для оптимизма?

Выделяется ли Новосибирская область на общероссийском бюджетном фоне? Нет, ни-чего особенного в ней не происходит. На протяжении последних лет финансы регионов находятся в кризисном состоянии. Если в 2005 году в России было 19 регионов-доноров, то в 2013 году их число сократилось до 10. То есть количество регионов, чьи доходы превышают расходы, сократилось практически в 2 раза. Прошлый, 2013 год стал годом массовой разбалансированности региональных бюджетов. Сумма дефицита консолидированных бюджетов субъектов РФ превзошла плановые показатели Минфина в 3,3 раза и достигла 642 млрд р. Бюджеты 77 регионов (в их число вошла и Новосибирская область) из 83 регионов России в 2013 году были исполнены с дефицитом. Очевидно, что кризис региональной финансовой системы является общероссийским.

Ничем не лучше и поведение населения, личные бюджеты домохозяйств также находятся в критической зависимости от кредитов. Независимые оценки свидетельствуют, что в России выдано около 50 млн потребительских кредитов, из них примерно 5 млн являются проблемными, имеют низкий шанс быть возвращенными. «Около» и «примерно» потому, что в стране нет надежной финансовой статистики: банки, под угрозой потери лицензии, вынуждены фальсифицировать отчетность. Столь массовые платежи порождают высокие кредитные риски. Банки минимизируют эти риски путем включения их в процентные ставки. Это в значительной степени объясняет, почему у нас такая высокая плата за кредиты и чудовищная разница между ставками по вкладам (депозитам) и займам (кредитам), достигающая часто 10 и более процентных пункта.

Жизнь не по средствам – характерная черта сегодняшнего российского общества. В чем причина этой массовой психологии? Мне кажется, что ее корни находятся в либеральной идеологии и напрямую связаны с психологией общества массового потребления.

Раньше, в советское время, факторами экономического роста считалась знаменитая триада: труд, капитал, земля. И государство делало все возможное для развития этих факторов: строило фабрики и заводы, школы, больницы, осваивало целину и Север. Делало это часто очень неумело и практически всегда малоэффективно. Но делало. И при этом ограничивало потребление. Ограничение личного потребления имело свою логику. Чем больше средств тратится на

потребление, тем меньше средств остается на развитие факторов производства или, как тогда говорили, на развитие производительных сил общества. Материальные ценности в общественной иерархии ставились ниже социальных и духовных и идентифицировались как мелкобуржуазные, мещанские. А так как ни мелкой буржуазии, ни мещанства в СССР не было и быть не могло, то материальные ценности были объявлены пережитком прошлого. Но как раз в этом советские идеологи допустили большую ошибку. То, что казалось пережитком прошлого, оказалось ростком будущего.

Этот росток дал обильные всходы в новой России. Идеологи от экономики поспешно объявили о том, что индустриальная эпоха с ее фабриками, заводами и гигантскими стройками подошла к концу. Ей на смену приходит новая экономика, экономика постиндустриальная и креативная. Социальной базой этой экономики является средний класс, идеологией – потребление, а драйвером экономического роста – спрос. Чем больше покупок, чем выше спрос, тем лучше дела в экономике. О том, что спрос российского общества значительно оторвался от российского производства и не имеет с ним ничего общего, старались не думать. Так же, как не думали о том, что гипертрофия личного потребления оборачивается ужасающей деградацией всех без исключения факторов производства.

Но как заставить человека покупать? Причем покупать часто ненужные товары и услуги с точки зрения здравого смысла или невозможные с точки зрения его доходов? Самый верный способ – это поднять уровень самомнения человека, дать возможность почувствовать себя особенным, нестандартным, достойным чего-то большего по сравнению с другими. «Вы этого достойны» – это один из самых ярких и впечатляющих призывов к покупке. Но дело не только в покупке. Эта же индустрия иллюзий создает основу для оптимизма там, где для оптимизма нет никаких оснований.

Мастера бизнес-апокалипсиса сгенерировали целое поколение людей, которые заняты исключительно своим имиджем, но не делом. А имидж завязан на потребительском статусе и артикулируется через приобретение определенных товаров и услуг. Достаточно посмотреть на фотографии россиян на турецких курортах, в интерьерах общепита или на фоне купленного в кредит автомобиля, с большой любовью размещенные в социальных сетях. Социальные сети – это виртуальное зазеркалье, в котором самовлюбленные нарциссы часами рассматривают благополучное счастливое отражение.

Многие люди не могут позволить себе потребление «здесь и сейчас». И тогда им на помощь приходят банки. Как уверяют сегодняшние учебники по финансам, кредит – это инструмент разрешения противоречия между неограниченными потребностями человека и ограниченными ресурсами, которыми он располагает. Разумеется, чтобы человек брал кредит, у него не должно быть сомнений в своем будущем, напротив, он должен быть в нем уверен. А также уверен в себе, своих способностях и возможностях. Нарциссическая, завышенная самооценка сегодня не считается диагнозом, после которого следует направление, часто принудительное, в клинику. Сегодня это залог финансового успеха и личного счастья. Некритическое отношение к реальности – залог процветания банковской кредитной экономики и причина серьезных экономических трудностей настоящего времени.

В полной мере эти представления разделяет и государство. Нет никакой разницы между молодой женщиной, берущей в банке кредит на пластическую операцию по увеличению груди до четвертого размера в надежде встретить «достойного» мужчину, и региональными властями, строящими в сибирской провинции «EXPO CENTER» в надежде на щедрых западных инвесторов. Точно так же, как нет этой разницы и между молодым безработным человеком, покупающим непонятно зачем в кредит iPhone последнего поколения, и региональными властями, ежегодно устраивающими мероприятия вроде Всемирного форума снега или «Интерры».

Сам по себе бюджетный дефицит не страшен. Гораздо страшнее дефицит понимания реальности и дефицит желания эту реальность понять и изменить. Однако в создавшейся ситуации, ситуации невменяемости верхов и развращенности низов, глупо что-то кому-то доказывать или кого-то в чем-то убеждать. Людей может образумить только кризис, в результате которого идеалистическая картинка либерально-идеологической пропаганды столкнется с действительностью. Люди придут в себя только тогда, когда столкнутся с банкротствами, сломанными карьерами, безработицей, сокращением зарплат, громкими отставками и самоубийствами.

О том, как избежать кризиса, думать уже поздно. Но самое время начать размышлять над тем, как преодолеть последствия кризиса. Спокойное и благополучное время кончилось. Как говорят в голливудских фильмах: «Это реальность. Добро пожаловать».

Дмитрий Фомин, кандидат экономических наук

Дефицит может существовать только на бумаге, которая на профессиональном жаргоне называется бюджетной росписью. В реальной жизни с дефицитом нужно что-то делать. Областные власти и делают: берут деньги в долг. Как сообщает региональный Минфин, на начало апреля внутренний долг области составлял 30 млрд р. Из этого долга его большая часть (18 млрд р.) является банковским кредитом, привлеченным областью под 10 % годовых.

Если деньги берутся в долг, значит, рано или поздно их придется отдавать. Но как, если собственные доходы бюджета падают, трансферты из федерального бюджета сокращаются и в целом экономическая ситуация не дает никаких оснований для оптимизма?

Выделяется ли Новосибирская область на общероссийском бюджетном фоне? Нет, ни-чего особенного в ней не происходит. На протяжении последних лет финансы регионов находятся в кризисном состоянии. Если в 2005 году в России было 19 регионов-доноров, то в 2013 году их число сократилось до 10. То есть количество регионов, чьи доходы превышают расходы, сократилось практически в 2 раза. Прошлый, 2013 год стал годом массовой разбалансированности региональных бюджетов. Сумма дефицита консолидированных бюджетов субъектов РФ превзошла плановые показатели Минфина в 3,3 раза и достигла 642 млрд р. Бюджеты 77 регионов (в их число вошла и Новосибирская область) из 83 регионов России в 2013 году были исполнены с дефицитом. Очевидно, что кризис региональной финансовой системы является общероссийским.

Ничем не лучше и поведение населения, личные бюджеты домохозяйств также находятся в критической зависимости от кредитов. Независимые оценки

свидетельствуют, что в России выдано около 50 млн потребительских кредитов, из них примерно 5 млн являются проблемными, имеют низкий шанс быть возвращенными. «Около» и «примерно» потому, что в стране нет надежной финансовой статистики: банки, под угрозой потери лицензии, вынуждены фальсифицировать отчетность. Столь массовые платежи порождают высокие кредитные риски. Банки минимизируют эти риски путем включения их в процентные ставки. Это в значительной степени объясняет, почему у нас такая высокая плата за кредиты и чудовищная разница между ставками по вкладам (депозитам) и займам (кредитам), достигающая часто 10 и более процентных пункта.

Жизнь не по средствам — характерная черта сегодняшнего российского общества. В чем причина этой массовой психологии? Мне кажется, что ее корни находятся в либеральной идеологии и напрямую связаны с психологией общества массового потребления.

Раньше, в советское время, факторами экономического роста считалась знаменитая триада: труд, капитал, земля. И государство делало все возможное для развития этих факторов: строило фабрики и заводы, школы, больницы, осваивало целину и Север. Делало это часто очень неумело и практически всегда малоэффективно. Но делало. И при этом ограничивало потребление. Ограничение личного потребления имело свою логику. Чем больше средств тратится на потребление, тем меньше средств остается на развитие факторов производства или, как тогда говорили, на развитие производительных сил общества. Материальные ценности в общественной иерархии ставились ниже социальных и духовных и идентифицировались как мелкобуржуазные, мещанские. А так как ни мелкой буржуазии, ни мещанства в СССР не было и быть не могло, то материальные ценности были объявлены пережитком прошлого. Но как раз в этом советские идеологи допустили большую ошибку. То, что казалось пережитком прошлого, оказалось ростком будущего.

Этот росток дал обильные всходы в новой России. Идеологи от экономики поспешно объявили о том, что индустриальная эпоха с ее фабриками, заводами и гигантскими стройками подошла к концу. Ей на смену приходит новая экономика, экономика постиндустриальная и креативная. Социальной базой этой экономики является средний класс, идеологией — потребление, а драйвером экономического роста — спрос. Чем больше покупок, чем выше спрос, тем лучше дела в экономике. О том, что спрос российского общества значительно оторвался от российского производства и не имеет с ним ничего общего, старались не думать. Так же, как не думали о том, что гипертрофия личного потребления оборачивается ужасающей деградацией всех без исключения факторов производства.

Но как заставить человека покупать? Причем покупать часто ненужные товары и услуги с точки зрения здравого смысла или невозможные с точки зрения его доходов? Самый верный способ — это поднять уровень самомнения человека, дать возможность почувствовать себя особенным, нестандартным, достойным чего-то большего по сравнению с другими. «Вы этого достойны» — это один из самых ярких и впечатляющих призывов к покупке. Но дело не только в покупке. Эта же индустрия иллюзий создает основу для оптимизма там, где для оптимизма нет никаких оснований.

Мастера бизнес-апокалипсиса сгенерировали целое поколение людей, которые

заняты исключительно своим имиджем, но не делом. А имидж завязан на потребительском статусе и артикулируется через приобретение определенных товаров и услуг. Достаточно посмотреть на фотографии россиян на турецких курортах, в интерьерах общепита или на фоне купленного в кредит автомобиля, с большой любовью размещенные в социальных сетях. Социальные сети – это виртуальное зазеркалье, в котором самовлюбленные нарциссы часами рассматривают благополучное счастливое отражение.

Многие люди не могут позволить себе потребление «здесь и сейчас». И тогда им на помощь приходят банки. Как уверяют сегодняшние учебники по финансам, кредит – это инструмент разрешения противоречия между неограниченными потребностями человека и ограниченными ресурсами, которыми он располагает. Разумеется, чтобы человек брал кредит, у него не должно быть сомнений в своем будущем, напротив, он должен быть в нем уверен. А также уверен в себе, своих способностях и возможностях. Нарциссическая, завышенная самооценка сегодня не считается диагнозом, после которого следует направление, часто принудительное, в клинику. Сегодня это залог финансового успеха и личного счастья. Некритическое отношение к реальности – залог процветания банковской кредитной экономики и причина серьезных экономических трудностей настоящего времени.

В полной мере эти представления разделяет и государство. Нет никакой разницы между молодой женщиной, берущей в банке кредит на пластическую операцию по увеличению груди до четвертого размера в надежде встретить «достойного» мужчину, и региональными властями, строящими в сибирской провинции «EXPO CENTER» в надежде на щедрых западных инвесторов. Точно так же, как нет этой разницы и между молодым безработным человеком, покупающим непонятно зачем в кредит iPhone последнего поколения, и региональными властями, ежегодно устраивающими мероприятия вроде Всемирного форума снега или «Интерры».

Сам по себе бюджетный дефицит не страшен. Гораздо страшнее дефицит понимания реальности и дефицит желания эту реальность понять и изменить. Однако в создавшейся ситуации, ситуации невменяемости верхов и развращенности низов, глупо что-то кому-то доказывать или кого-то в чем-то убеждать. Людей может образумить только кризис, в результате которого идеалистическая картинка либерально-идеологической пропаганды столкнется с действительностью. Люди придут в себя только тогда, когда столкнутся с банкротствами, сломанными карьерами, безработицей, сокращением зарплат, громкими отставками и самоубийствами.

О том, как избежать кризиса, думать уже поздно. Но самое время начать размышлять над тем, как преодолеть последствия кризиса. Спокойное и благополучное время кончилось. Как говорят в голливудских фильмах: «Это реальность. Добро пожаловать».

Дмитрий Фомин, кандидат экономических наук